

А. В. Мильто

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ СОМАЛИЙСКИХ МИГРАНТОВ)***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-16-23

УДК 314.74(677)

ББК 63.584

Статья посвящена феномену номадизма, характеризующему многочисленные движения, наблюдающиеся сегодня в мире в целом и в Африке в частности. Самая заметная форма проявления социального движения и наиболее характерная для граждан африканских стран — миграция из регионов, охваченных кровопролитными конфликтами, где голод и террор стали ежедневной реальностью. Их мобильность порождена нестабильностью экономических, социальных или экологических структур и, особенно, слабостью государства. Большое количество беженцев, перемещенных лиц и переселенцев поставляет Сомали, где с 1991 г. не прекращается кровопролитный конфликт. В изгнании на первый план для них вышли проблемы идентичности и потери корней. Далеко не все мигранты смогли интегрироваться в окружающее общество. Лишь немногим — образованным людям, интеллектуалам, деятелям науки и искусства — удалось реализовать себя за рубежом, в основном в профессиональной сфере. Мигранты перемещаются с места на место, нигде не задерживаясь надолго и позиционируя себя «гражданами мира». Множественность идентификаций помогает таким кочевникам интернационализировать и тем самым обогатить все аспекты своей жизни. Однако отсутствие прочных корней является показателем социально-культурного кризиса, в результате которого формируется расщепленная, лоскутно-фрагментарная идентичность. Анализ миграционных потоков и диаспор играет важную роль в понимании глубинной сути того, что происходит с человеком в чужой стране, и способствует налаживанию добрососедских отношений с многочисленными «кочевниками поневоле».

Ключевые слова: *миграция, Африка, Сомали, кочевники, номадизм, мобильность*

В общественном сознании и науке цивилизованность прочно ассоциируется с оседлостью. Долгое время переход кочевников к оседлому образу жизни мыслился единственным средством их приобщения к высокой культуре, а само слово «кочевник» было синонимом отсталости и инакости. Эпоха глобализации привела к существенным изменениям: рост скоростей, интенсивности социальных изменений, развитие цифровых технологий способствовали популярности номадизма и тому, что кочевой образ жизни утратил свой негативный оттенок. Мобильность стала одной из главных черт современного общества: ей подвержены не только люди, но и вещи, идеи, денежные потоки.¹

¹ См.: Шляков А. В. Номадизм постмодерна: классификации моделей номадности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 4. С. 207.

Мильто Анна Валентиновна — к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет; руководитель отдела инновационного развития, Международная академия бизнеса и новых технологий (г. Ярославль)
E-mail: amilto@mail.ru

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)» (рук. Т. М. Гавристова)

Феномен номадизма исследовался рядом зарубежных и отечественных исследователей, среди которых необходимо назвать Ж. Аттали, Дж. Урри, З. Баумана, Ф. Гваттари, Ж. Делёза, А. М. Бекарева, А. В. Головнёва, А. К. Секацко, К. А. Семенюк, Н. А. Харламова и др. Они предлагают разнообразные критерии типологии и новые системообразующие признаки данного явления. Формы номадизма, как и мотивационно-деятельностные схемы, встречаются разные. Они включают миграции людей с деловыми и профессиональными целями, ради досуга, устройства семейной жизни, удовольствий, по медицинским показаниям, из военной необходимости, а также перемещения или бегство, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям (от ежедневных поездок на работу до единственного в жизни изгнания с родины). Человек может избирать вектор номадизма по принуждению (беженец, бездомный) или добровольно (трудовой мигрант, странник, турист, паломник).

Миграция — самое заметное проявление социального движения и в какой-то мере протейшая его форма, существовавшая на протяжении столетий. Однако использование передовых технологий предоставило гражданам

недосягаемые прежде возможности для передвижений. В современном мире у «кочевников XXI века» появилось огромное количество возможностей для выбора жилья, работы и перемещений по всему свету. Миграции, взаимодействие культур, охватывающие весь земной шар, стали восприниматься практически как данность.

В последние десятилетия все более значимыми становятся формы насильственной миграции. Подобные эмигранты происходят из зон экономического и политического кризиса, из самых уязвимых частей развивающегося мира, охваченных кровопролитными конфликтами, где голод и террор стали ежедневной реальностью. Их мобильность порождена нестабильностью экономических, социальных или экологических структур и, особенно, слабостью государства.

Многочисленные и разнообразные формы движения характеризуют современную Африку. От исторической миграции целых сообществ до распространения ресурсов и идей, от динамики урбанизации и мобильности рабочей силы до регионального и глобального участия в новых общественных кампаниях, торговых корпорациях и в обмене информацией — мобильность всегда занимала центральное место в экономических, социальных, культурных и политических формациях на Африканском континенте. Движение лежит в основе процессов прошлого и настоящего, которые формируют взгляды и действия людей во всех сферах жизни.

Эмиграция из Африки в Европу за последние десятилетия приобрела массовый характер. Множество людей пришло в движение под воздействием разных причин: природно-климатических, экономических и этнорегиональных, конфессиональных и социально-психологических. В свете растущей озабоченности по поводу масштабного перемещения, оно рассматривается, как правило, в интеллектуально ограничивающей и политически враждебной манере. Неравное распределение мобильностей вызывает обеспокоенность в отношении экономических и политических перспектив развития африканских стран. Ввиду многообразия движений, характеризующих Африку, а также их социальной, культурной, экономической и политической взаимосвязи и влияния на остальной мир, тема африканских мобильностей оказывается крайне актуальной.

Одним из самых многострадальных государств на Африканском континенте считается

Сомали. Регион Африканского Рога поставляет массу беженцев, перемещенных лиц и переселенцев, которые бегут из-за политических и межэтнических проблем в поисках безопасности, пищи и воды. Сомалийская диаспора входит в число самых многочисленных в мире.

Традиционным занятием для сомалийцев является кочевое животноводство. В процессе урбанизации многие из них оставили кочевой образ жизни. Однако обстоятельства заставили их покинуть родные дома и отправиться на поиски лучшей жизни. Главной причиной бегства из страны стал кровопролитный вооруженный конфликт, начавшийся в 1991 г. после падения диктаторского режима М. С. Барре.² Будучи пиком мобилизации, насилия, страдания и торжества, война может объединять и раскалывать сообщества, подрывать и укреплять позиции элит, преобразовывать государства и народы. Война всегда связана с «искусством движения», а за войной неизбежно следуют массовые миграции, потеря и обретение родины.

Частые природные катаклизмы в Сомали (наводнение 1997 г., засухи 1998, 2011, 2016 гг. и т. д.) усугубляют положение, приводят к продовольственным кризисам, голоду, влекут за собой смерть десятков тысяч человек и побуждают сомалийцев покидать родные места. По данным управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), в середине 2017 г. около 900 тыс. сомалийцев проживало в соседних странах, таких как Кения, Эфиопия, Йемен, Эритрея, Уганда, Джибути, а число внутренних перемещенных лиц составило 1,5 млн человек.³

Большинство африканских беженцев оседает в приграничных лагерях, в самом большом из которых — кенийском Дадаабе⁴ — сомалийцев больше всех (96,21 % от общей численности населения лагеря).⁵ Обитателей

² Барре, Мохаммед Сиад — генерал, президент Сомалийской республики (1969–1991). Пришел к власти в результате военного переворота 21 октября 1969 г. М. С. Барре разогнал парламент, политические партии, установил диктаторский режим, взял курс на строительство социализма. В 1991 г. был смещен с поста и изгнан из страны. Умер в изгнании в 1995 г.

³ См.: Somalia Situation. Supplementary Appeal. January–December 2017. UNHCR, May 2017. P. 6.

⁴ Лагерь Дадааб (основан в 1991 г.) — самый большой лагерь беженцев в мире на границе Кении и Сомали. В настоящее время, по официальным данным, в нем проживают около 250 тыс. беженцев. В действительности их число намного больше. После массового убийства студентов в университете кенийского города Гарисса в 2015 г. экстремистами из сомалийской террористической группировки «Аш-Шабаб» власти Кении высказали намерение закрыть лагерь Дадааб и построить вдоль границы с Сомали 700-километровую стену.

⁵ См.: Dadaab Refugee Complex. URL: <http://www.unhcr.org/ke/dadaab-refugee-complex> (дата обращения: 19.11.2017).

одного из таких лагерей описала нидерландский политик сомалийского происхождения Айна Хирси,⁶ на своем опыте познавшая тяготы эмиграции, бежавшая из Сомали сначала в Кению, а затем — в Голландию. По словам А. Хирси, люди в лагере «были словно привидения. Они страшно исхудали. Неделями они уходили как можно дальше от своих домов, теряя по пути все, что имели. Дети умирали; почти у каждой матери на руках лежал безжизненный малыш. На них нападали бандиты; им приходилось пересекать поля сражений. <...> Кругом царил беспросветное отчаяние: до горизонта тянулись ряды палаток и потрепанные шалаши беженцев. Казалось, здесь собралось все население Сомали».⁷ Как отмечают в УВКБ ООН, подсчет численности беженцев в районе Африканского Рога затруднен тем, что их значительную часть составляют кочевники-скотоводы.

Те, у кого есть деньги, не задерживаются надолго на Африканском континенте: их целью стали европейские страны, США, Канада, куда они устремились в поисках лучшей жизни. Так называемая «дальняя» диаспора насчитывает около 500 тыс. сомалийских беженцев. Наибольшее число их (100–200 тыс.) проживает в Великобритании; меньшее количество — в Италии, Норвегии, Финляндии, Швеции, Германии, Нидерландах и других странах. В США сомалийские общины сосредоточены в Миннеаполисе (Миннесота), Колумбусе (Огайо), Атланте (Джорджия), Вашингтоне. В Канаде больше всего сомалийцев в Торонто и Оттаве. Около 30 тыс. их проживает в Дубае и в других эмиратах и странах Персидского залива, хотя многие из них мигрировали как студенты или бизнесмены, а не как беженцы.⁸

Изначально в Европу стремились попасть образованные сомалийцы, профессионалы. Часто они перебирались туда, где учились: в иммиграционном законодательстве европейских стран существовали квоты на профессионалов.⁹

Во время войны образованных граждан в Сомали практически не осталось: их абсолютное большинство — около 90 % — живет в изгнании. За ними последовали другие более многочисленные категории сомалийцев, мечтающих убежать от ужасов войны. Нелегальная эмиграция из Африки в Европу за последнее десятилетие приобрела массовый характер, хотя динамику перемещений проследить трудно по причине отсутствия статистических данных.

Многих мигрантов трудно разделить по критериям: например, на легальных и нелегальных, временных резидентов и иммигрантов, беженцев и апатридов, гастарбайтеров и тех, кто просит политического убежища. Часто данные термины не несут никакого смысла, кроме административного. Решившиеся на переезд способны менять ярлыки по обстоятельствам: например, экономические мигранты могут «примерить» ярлык диссидентов, а беженцы — ярлыки туристов, студентов или гастарбайтеров. Предопределяя социальные правила, по которым люди будут ранжированы в чужой стране, ярлык стирает собственно человеческий опыт встречи с другим образом жизни и вживания в чужую культуру.

Будучи «кочевниками поневоле», мигранты сталкиваются с правовой и социальной системами нового для них мира, жители которого стремятся ограничить возможности для того, чтобы мигранты остались в стране. Общественное мнение нередко негативно настроено по отношению к чужакам. Сказываются многочисленные стереотипы: африканских беженцев часто отождествляют с бедными, грязными, больными людьми, склонными к правонарушениям. Они сталкиваются с враждебным отношением не только местного населения, но и официальных властей, рассматривающих их как дополнительный дестабилизирующий и подрывающий государственную безопасность фактор.

Далеко не всем мигрантам удается интегрироваться в окружающее общество. Беженцы, которые имеют ученые степени, знание иностранных языков, а также профессиональные навыки, как правило, низводятся до уровня неквалифицированной рабочей силы, поскольку их опыт не признается. Показательна история образованной сомалийки, иммигрировавшей в Данию в 1990-е гг. Непривычные условия жизни в Европе сломили ее. В интервью она сообщила, что всегда была человеком с активной жизненной позицией, но все изменилось: «...Я потеряла себя... и все время

⁶ Хирси, Айна Али (род. 13 ноября 1969 г.) — политик и общественный деятель сомалийского происхождения. Иммигрировала в Европу в 1992 г. Проживает в Нидерландах и США. Была депутатом нижней палаты парламента Нидерландов. Известна во многом благодаря тому, что всегда широко тиражировала свои взгляды на проблемы ислама и статус женщин в исламском обществе.

⁷ Хирси А. Неверная. М., 2012. С. 182, 183.

⁸ См.: Hammond L. Somali Refugee Displacements in the Near Region: Analysis and Recommendations // Paper for the UNHCR Global Initiative on Somali Refugees. P. 14. URL: <http://www.unhcr.org/55152c699.pdf> (дата обращения: 25.11.2017).

⁹ См.: Kleist N. Nomads, Sailors and Refugees. A Century of Somali Migration // Sussex Migration Working Paper. 2004. № 23. P. 7.

беспокоюсь. Когда я рассказала социальному работнику про свою карьеру, она не поверила мне. Она даже не потрудилась прочитать сведения обо мне».¹⁰

Безработица среди мигрантов-сомалийцев рабочего возраста составляет в среднем 40 %. Особенно высок уровень безработицы среди молодежи. Исследователи отмечают у сомалийцев самый низкий образовательный уровень по сравнению с иммигрантами из других стран.¹¹ Только половина британских сомалийцев имеет хоть какое-то образование, и лишь 3 % из них — высшее образование.¹²

Для сомалийцев, проживших в европейских странах не одно десятилетие, отчужденность от европейского общества не ослабевает, а, наоборот, усиливается. Многие из них чувствуют себя «амфибиями» — жителями двух миров. Они разрываются между домом и изгнанием, между разными мировоззрениями, между мечтами и реальностью. Они словно остановились на полпути к идентичности. Их адаптации мешает закрытый образ жизни, который они ведут, нежелание контактировать с местным населением: многие едва говорят на местном языке и не чувствуют, что им рады. Вспоминая свой первый год в Голландии, А. Хирси отметила, что «сомалийцы, казалось, только и делали, что жаловались, особенно те из них, кто... находился в Голландии уже несколько лет. Они не пытались стать частью голландского общества, не работали, только целыми днями бродили по лагерю и выпрашивали еду».¹³ Для Айнаан такое поведение было неприемлемым. Не желая жить на пособие, она устроилась на работу и направила свои усилия на получение образования.

Сомалийский писатель Нуруддин Фара,¹⁴ долгие годы проживший за пределами родной страны, изгнанник, посвятивший судьбам бе-

женцев одну из своих книг — «Вчера, завтра. Голоса сомалийской диаспоры»,¹⁵ отметил, что «многое в европейском обществе либо чуждо им, потому что они не хотели иметь ничего общего с ним, или запрещено законами этой земли... Европа осталась для них загадкой...»¹⁶ Описывая сомалийские общины, он подчеркивал царившую в них нищету, отсутствие возможностей.

Одним из важных моментов миграции является феномен «потери корней», разрыва или разрушения социальной идентичности в результате отказа от духовно-нравственных ориентиров своей культуры и человечества, стремления к свободе как комфорту и защищенности, к освобождению от тяжелого труда и обязанностей. Эти мотивы формируют особое отношение к себе и миру, в котором позитивные моменты, связанные с творчеством, развитием, наслаждением жизнью, сочетаются с потребительством, стагнацией и разрушением личности. При этом сначала страдает этнокультурная идентичность, а затем и личностная.¹⁷

Став беженцами или перемещенными лицами, многие утратили определенное социальное положение и средства к существованию. «Изможденные еще до бегства со своей земли, сторбленные годами невиданных тягот, бременем хозяйственных забот, изуродованные, как пеньки приземистой формы: в их глазах нет блеска, их походка уже не будет легкой, и они никогда не будут смеяться».¹⁸ Семьи распадаются, культура и морально-этические ценности обычно подвергаются при этом значительной трансформации. Еще одно обстоятельство, изолирующее сомалийцев как от европейского общества, так и от мигрантов из других стран, — обычай женского обрезания, неприемлемый в Европе, но широко распространенный в Сомали.¹⁹ В отрыве от семьи, друзей, без работы, беженцы часами занимаются самоедством, проводя время в раздумьях. «Будущее беженца как беспроглядная ночь, полная темнота, без полутонов, — так характеризовал свое по-

¹⁰ Ibid. P. 6.

¹¹ См.: Van Heelsum A. Why Somalis Move? An Investigation into Migratory Processes among Somalis // Paper presented at ECAS 4: 4th European Conference on African Studies, 15–18 June 2011. Uppsala; Sweden; Amsterdam, 2011. P. 12.

¹² См.: Fergusson J. The World's Most Dangerous Place: Inside the Outlaw State of Somalia. London, 2013. P. 264.

¹³ Хирси А. Указ. соч. С 267.

¹⁴ Фара, Нуруддин (род. в 1945 г.) — сомалийский писатель, автор первого сомалийского романа. Из под его пера вышли три трилогии («Вариации на тему африканской диктатуры», «Кровь на солнце», «Возвращение в Сомали»), несколько повестей и множество публицистических произведений. Лауреат нескольких литературных премий. Провел в изгнании большую часть жизни: жил в разных странах Африки, Европы, Северной Америки, преподавал в университетах Судана, Гамбии, Италии, Германии, США, Нигерии, Индии, Уганды, Эфиопии, ЮАР. Сам писатель называет себя на английский манер — Фара. В Сомали его фамилия произносилась бы иначе — Фарах.

¹⁵ Книга включила интервью с беженцами из Кении, Великобритании, Италии, Швейцарии и Швеции. Произведение, написанное сомалийцем о сомалийцах, позволяет читателям увидеть внутреннюю сторону жизни сомалийской диаспоры.

¹⁶ Farah N. Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora. London; New York, 2000. P. 102.

¹⁷ См.: Арпентьева М. П. Цифровой номадизм и идентичность // Материалы конференций «Connect-Universum». 2016, 11 июня. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/981.html (дата обращения: 10.03.2018).

¹⁸ Farah N. Op. cit. P. 102.

¹⁹ См.: Van Heelsum A. Op. cit. P. 15.

ложение бывший директор лагеря для эфиопских беженцев в Сомали в 1981–1989 гг., а в начале 1990-х гг. и сам беженец, — перспектив у беженца нет никаких».²⁰

Н. Фара акцентировал внимание на процессе архаизации массового сознания как следствии социально-психологического кризиса, сопровождающегося усилением настроений неудовлетворенности в среде широких кругов населения. Люди ищут выход из кризиса, обращаясь к традициям прошлого. В условиях крушения государственной системы они, защищаясь, противопоставляют этому крушению свои этнические, а нередко и родоплеменные ценности. На авансцену выступают отдельные элементы этнической культуры: фольклор, обряды, обычаи, язык, религиозные установки. Сменив место жительства, сомалийские беженцы принесли с собой свои традиции, ценности, образ жизни, попытались создать то, что А. Хирси назвала «островки» Сомали.²¹ «В своих лачугах в лондонском Ист-Энде или в гетто Ливерпуля, Манчестера и Кардиффа они воссоздают Сомали во всех его деталях, в музыке, которую они играют, в молитвенных циновках, висящих на гвозде на стене, и в женщинах, управляющих домами, в мужчинах, рассуждающих о политике».²² Тем самым, принимая весь мир как свое пространство, они перемещают свой номос туда, куда перебираются сами, не фиксируя жесткой границы. Такая местечковая самобытность является отражением социально-культурного кризиса.

Кроме того, находясь в изгнании, сомалийцы не представляют собой единого целого: их отличают клановость, дифференциация по признаку родственных групп. Сомалийцы разделены на пять племен, называемых клановыми семьями или союзами, — дир (Dir), хавийя (Hawiye), исаак (Ishaaq), дарод (Darod) и раханвейн (Rahanwiin).²³ Каждый соотносит себя с каким-нибудь кланом, подчеркивает клановую идентичность и конфликтует с представителями другого клана. К такой роли сомалиец «приговорен» с рождения предначертанными традицией правилами и нормами, следовать которым он должен как член социальной группы. В составе группы он полностью растворяется как индивидуальность и осознает

себя не как личность, а как часть родственной, клановой общности, в которую он остается интегрированным в течение всей жизни.

В условиях кризиса действуют особые психологические механизмы — защитные, компенсаторные. Все, что находится за пределами этнической культуры, воспринимается враждебно: пространство — как хаос, люди — как чужаки, враги. Картина мира представляется только в черном и белом цвете. Все доброе, светлое, героическое (во всех сферах — от экономики до культуры) есть принадлежность своих, этнически идентичных (оно обретает сакральность); все злое, жестокое, темное относится к этнически чуждым, к инородцам (оно обретает черты варварства, дикости).²⁴

З. Бауман отмечал: «...проблема, мучающая людей... состоит не только в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность... Главной и наиболее нервирующей проблемой является не то, как найти свое место в жестких рамках класса или страты и, найдя его, сохранить и избежать изгнания; человека раздражает подозрение, что пределы, в которые он с таким трудом проник, скоро разрушатся или исчезнут».²⁵

В такой ситуации средством выражения идентичности и социального протеста против дискриминации и унижения, проявляемых благополучными европейцами, стала приверженность молодых сомалийцев к радикальному исламу. Религия оказалась одним из факторов, сплачивающих сомалийцев. Ислам дает надежду на мир, на единство и восстановление нормальной жизни. Он объясняет природу страданий и помогает их облегчить. Именно ислам, по мнению А. Хирси, оказывал наибольшее влияние на степень сегрегации иммигрантов в Голландии.²⁶ Для некоторых сомалийцев осознание себя в исламе стало главной составляющей идентичности, важнее принадлежности к сомалийской нации. Отдельные сомалийцы из диаспоры становятся рекрутами «Аш-Шабааб».²⁷ Типичным примером может

²⁰ Farah N. Op. cit. P. 10.

²¹ Хирси А. Указ. соч. С. 268.

²² Farah N. Op. cit. P. 103.

²³ См.: Lewis I. M. A Pastoral Democracy: a Study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. Hamburg; Oxford, 1999. P. 320.

²⁴ См.: Мосейко А. Н. Кризис идентичности: мифологизация процесса (Россия и Африка — сравнительный анализ) // Человек, этнос, культура в ситуациях общественного перелома: материалы докл. секции VIII междунар. конф. африканистов. М., 2001. С. 37.

²⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 185, 186.

²⁶ Хирси А. Указ. соч. С. 338.

²⁷ Аш-Шабааб — исламская экстремистская группировка,

быть история 21-летнего Ахмеда Хуссейна, который бросил занятия в университете Оксфорд Брукс в 2007 г., улетел в Кению, перешел границу с Сомали и подорвал себя в городе Байдоа, убив при этом 20 эфиопских солдат.²⁸

Обращение молодых сомалийцев к радикальному исламу вызывает опасения среди населения европейских стран. Министерство внутренних дел Великобритании определило места, в которых молодые мусульмане наиболее подвержены радикальным веяниям, среди них школы, университеты, тюрьмы и мечети. Мухаммед Элми — глава объединенного сообщества сомалийских диаспор в Великобритании — назвал сомалийскую молодежь «бомбой замедленного действия».²⁹ Всевозрастающая подвижность включает движение не только материальных объектов, но и нравственных установок, идей, ценностных ориентиров. Экстремистские взгляды активно тиражируются интернетом, где учителями выступают «шейх Гугл» и «муфтий Фейсбук». Бывший министр международного развития Великобритании Эндрю Митчелл заявил в конце 2011 г., что, вероятно, в Сомали занято в подготовке террористов больше британских подданных, чем в любой другой стране.³⁰

У большинства беженцев нет надежды на лучшую жизнь за границей. Многие из них надеются, что однажды вернуться на родину. Между тем, несмотря на некоторую стабилизацию обстановки в Сомали, беженцы боятся возвращаться. Они обеспокоены тем, что репатриация не будет сопровождаться достаточной поддержкой со стороны правительства, и озабочены тем, что с ними будет, когда они окажутся в Сомали. Правительство Кении в 2015 г. объявило о намерении закрыть лагерь Дадааб и активизировало программу возвращения сомалийцев в родные места, чем воспользовались почти 60 тыс. человек. Однако, вернувшись домой, они отметили, что оказались в гораздо худших условиях, чем в лагере. 38-летняя Сакдия Нур, мать троих детей, покинувшая Дадааб ради возвращения в Могадишо, сообщила, что «в городе опасно... каждый день происходят взрывы. Еда дорогая; нет никаких бесплатных услуг и ничего, что могло бы помочь репатриантам».³¹ В числе других со-

малийцев Сакдия вынуждена была повторно просить приюта у кенийских властей, поскольку статус беженца она утратила, когда пересекла границу. «Я не вернусь в Сомали, — сообщила пожилая сомалийка Мимуна, бежавшая от голода и войны в лагерь Дадааб, — потому что здесь, по крайней мере, безопасней, побольше еды. Немного, конечно, но это лучше, чем ничего. Так что мне незачем возвращаться в ад, который там творится».³² В Европу беженцы продолжают прибывать, и проблемы, связанные с их интеграцией, только возрастают.

Лишь немногие сомалийцы смогли адаптироваться к жизни в новых условиях вдали от родины. Эльми Абди — беженец с 20-летним стажем — работает в «Фонде для Сомали», помогая людям, которые хотят жить в Польше. В Фонде рассказывают, какие реалии ждут иммигрантов в Польше, как здесь живется, что можно, а чего нельзя, какие у людей права и обязательства. Э. Абди призывает «идти в сторону интеграции, узнавать друг друга». «Я хотел интегрироваться с польским обществом, и на 99 % у меня это вышло. Я говорю по-польски, вы меня понимаете, я знаю ваши обычаи, уважаю их. Большинство моих знакомых знают мои традиции и религию и уважают их. Взаимное уважение и является интеграцией».³³

Многие беженцы переезжают с места на место. Их путешествия часто бывают чрезвычайно долгими и сложными, включают множество отношений, различные перевалочные пункты, особенно в крупных городах, и разные виды транспорта (некоторые — откровенно небезопасные). Лишь немногим беженцам — образованным людям, интеллектуалам, деятелям науки и искусства — удалось реализовать себя за рубежом. По происхождению африканцы, они, благодаря воспитанию и образованию, стали европейцами, американцами и открыто заявили об этом. Другие, прежде всего те, кто достиг успеха, идентифицировали себя в рамках профессии, преодолев комплекс неполноценности («невидимости», «незаметности»), связанный с постоянной необходимостью доказывать окружающим свою профессиональную и твор-

действующая на территории Сомали и соседних стран, объявившая своей главной целью создание халифата. Запрещена в ряде стран как террористическая организация.

²⁸ См.: Fergusson J. Op. cit. P. 262.

²⁹ Ibid. P. 263.

³⁰ Ibid. P. 253.

³¹ Hujale M., McVeigh K. I Feel Betrayed: the Somali Refugees

Sent from Safety into a War Zone // The Guardian. 2017. June 22. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/jun/22/betrayed-somali-refugees-kenya-dadaab-camp-sent-from-safety-into-war-zone> (дата обращения: 30.01.2018).

³² Мимуна из лагеря Дадааб. URL: <http://ru.euronews.com/2011/08/09/somalia-to-dadaab-mimouna-s-journey/> (дата обращения: 22.12.2017).

³³ История бывшего беженца из Сомали. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/249/Artykul/225890#sthash.GFATSkVC.dpuf> (дата обращения: 25.12.2017).

ческую состоятельность только потому, что они африканцы. Концепт «пути» стал ядром их образа жизни и способа существования.

Родственники Н. Фары со временем расселились по всему миру. Его сестра эмигрировала в США. В Детройте к ней присоединился его старший сын. В США живет еще одна сестра Н. Фары и его брат с одиннадцатью детьми. Другая сестра живет в Голландии, третья — в Канаде, один брат — в Огадене, другой — в Эфиопии. Отец писателя скончался в апреле 1993 г. в лагере для беженцев в Момбасе. До последних дней он так и не смог решить, что делать: остаться в Кении, вернуться ли в Могадишо или последовать за дочерью в США. Сам писатель сменил множество мест обитания в Европе, Америке, Африке, нигде не задерживаясь надолго. Не укоренилась на одном месте и А. Хирси. Активная общественная и политическая деятельность принуждают ее «кочевать» в поисках места под солнцем.

У вечного кочевника нет города, страны с локальной границей и властью в ней. И соответственно нет границы, которая огораживала бы его от иного мира. Тем самым нет жесткой фиксации «свой–чужой», «мы–они». Весь мир — его пространство обитания-передвижения, он движется по миру вместе с миром. Формируется трансидентичность «человека вселенной». Множественность идентификаций помогает такому кочевнику интернационализировать и тем самым обогатить все аспекты жизни, повысить ее качество, сочетая минимализм и жизнь по своим правилам, достигая идеала, в том числе — идеала свободы. Вместе с тем как типичный мигрант в мире мультикультурных сообществ, он не обладает целостной идентичностью, формируя расщепленную, лоскутно-фрагментарную идентичность или полностью утрачивая связь с корнями и ассимилируясь там, где живет.

Н. Фара давно решил, что для него не существует никаких границ. Их нет в его мыслях и в его жизни. Он гордится тем, что является единственным африканцем, у которого есть паспорт гражданина Ганы, сомалийский паспорт и пас-

порт ЮАР. «Мир полон различий, — отмечает Н. Фара, — именно они делают нашу жизнь богаче и интересней».³⁴ Сомалиец, изучавший Библию и Коран, свободно говорящий на английском, арабском, итальянском и сомали, писатель, интересующийся историей, университетский профессор, зарабатывающий на жизнь журналистикой, диссидент и феминист, он позиционирует себя как гражданин мира, что тоже в определенном смысле является показателем кризиса идентичности. К его сожалению, сомалийцы утратили толерантность, и трагедия Сомали заключается в нетерпимости его жителей к тем, кто не разделяет их взглядов.

Кочевничество выглядит как спорадическое перемещение «человека без корней», «перекати-поля» в направлении, определяемом жизненной ситуацией (внешними по отношению к личности аспектами). Этот способ существования позволяет удовлетворять желания, не обременяя себя обязательствами, путешествовать из чувства протеста и несогласия с миром — «против» самого себя и мира.³⁵ Номадизм отражает неспособность личности к установлению прочных отношений, а значит, демонстрирует неполноценность ее функционирования и затрудненность развития.

Современный мир мал и тесен: тот путь, на который в древности могли потребоваться годы, сегодня можно преодолеть за считанные дни и даже часы. Это создает множество проблем, среди которых на первое место выходят проблемы интеркультурной коммуникации и толерантности к иным, чем наш собственный, стилям жизни. Проблемы комплексных мобильностей диаспор и транснациональных мигрантов — ключевые в вопросах, связанных со многими современными постколониальными отношениями. Анализ миграционных потоков и диаспор играет важнейшую роль в понимании глубинной сути того, что происходит с человеком в чужой стране, и, несомненно, способствует налаживанию добрососедских отношений с многочисленными «кочевниками поневоле».

Anna V. Milto

Candidate of Historical Sciences, Yaroslavl State University; International Academy of Business and New Technology (Russia, Yaroslavl)
E-mail: amilto@mail.ru

³⁴ Nuruddin Farah on being a true African. December, 2015. URL: <http://www.nation.co.ke/lifestyle/weekend/Nuruddin-Farah-on-being-a-true-African/1220-2993330-009wvz/index.html> (дата обращения: 16.12.2017).

³⁵ См.: Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, 2001. P. 179.

SOCIO-CULTURAL PROBLEMS OF MIGRATION AND ADAPTATION
(SOMALIAN MIGRANTS CASE)

The article deals with the phenomenon of nomadism characterizing numerous movements we are witnessing today on a global scale and in Africa in particular. The most obvious and the most characteristic for the African states nationals form of social movement manifestation is the migration from the conflict or disaster-stricken regions, where famine and terror have become a daily routine. Their mobility is the result of the economic, social, or environmental instability and, in particular, the weakness of the state power. A significant number of the refugees, displaced persons or migrants come from Somalia, which has been continuously torn by violent conflicts since 1991. In exile the problems of identity and lost roots loomed large for these people. Plenty of the migrants failed to integrate into the new society. Only very few of them, the educated people, the intellectuals, the artists and the academics managed to fulfill their potential abroad, mainly in professional careers. The migrants move from place to place without staying anywhere for long and positioning themselves as the “citizen of the world”. The multiplicity of identifications helps such groups of nomads in internalization, and in this way enrichment, of all aspects of their life. However the lack of strong roots is a marker of a social and cultural crisis resulting in the formation of a split, patched-up and fragmented identity. The study of the migration flows and diasporas plays an important role in the understanding of the fundamental nature of a person's experience in an alien country, and helps building the good neighborly relations with the numerous “reluctant nomads”.

Keywords: *migration, Africa, Somalia, nomads, nomadism, mobility*

REFERENCES

- Arpenteva M. R. [Digital nomadism and identity]. *Materialy konferentsiy “Connect-Universum”* [Materials of conferences “Connect-Universum”]. Available at: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/981.html (accessed: 10.03.2018). (in Russ.).
- Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos Publ., 2002, 324 p. (in Russ.).
- Dadaab Refugee Complex. Available at: <http://www.unhcr.org/ke/dadaab-refugee-complex> (accessed: 19.11.2017). (in English).
- Dyakov A. V. [The nomadic man: Nomadism as a means of totalitarianism]. *Komparativistskiy analiz obshchechelovecheskogo i national'nogo v filosofii: Materialy konf.* [The comparative analysis of the universal and national in philosophy: Proceedings of the conf.]. Saint Petersburg: “Rosa mira”, 2006. pp. 35–39. (in Russ.).
- Farah N. *Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora*. London; New York: Cassell, 2000, 198 p. (in English).
- Fergusson J. *The World's Most Dangerous Place: Inside the Outlaw State of Somalia*. London: Random House, 2013, 464 p. (in English).
- Hammond L. *Somali Refugee Displacements in the Near Region: Analysis and Recommendations. Paper for the UNHCR Global Initiative on Somali Refugees*. Available at: <http://www.unhcr.org/55152c699.pdf> (accessed: 25.11.2017). (in English).
- Hujale M., McVeigh K. I Feel Betrayed: the Somali Refugees Sent from Safety into a War Zone. *The Guardian*. 2017, June 22. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/jun/22/betrayed-somali-refugees-kenya-dadaab-camp-sent-from-safety-into-war-zone> (accessed: 30.01.2018). (in English).
- Kleist N. *Nomads, Sailors and Refugees. A Century of Somali Migration. Sussex Migration Working Paper*. Sussex: US, 2004, no. 23, 14 p. (in English).
- Lewis I. M. *A Pastoral Democracy: a Study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa*. Hamburg; Oxford: IAI: Lit, 1999, 320 p. (in English).
- Moseyko A. N. [Identity crisis: process mythologization (Russia and Africa — comparative analysis)]. *Che-lovek, etnos, kultura v situatsiyakh obshchestvennogo pereloma: materialy VIII mezhdunar. konf. afrikanistov* [Man, ethnos, culture in situations of social crisis: materials of the 8th Intern. Conf. of Africanists]. Moscow: Institut Afriki RAN; Tsentr tsivilizats. i region. issled. Publ., 2001, pp. 32–38. (in Russ.).
- Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001, 544 p. (in English).
- Shlyakov A. V. [Nomadism of postmodernity: classification of nomadic models]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota Publ., 2015, no. 4, pp. 204–207. (in Russ.).
- Somalia situation. Supplementary appeal. January–December 2017. UNHCR, May 2017, 52 p. (in English).
- Van Heelsom A. *Why Somalis Move? An Investigation into Migratory Processes among Somalis*. Paper presented at ECAS 4: 4th European Conference on African Studies. Uppsala; Sweden; Amsterdam: IMES, 2011, pp. 12. (in English).

Айаан Али Хирси. Фотография с личной страницы на Фейсбук, 2018 г.
URL: <https://www.facebook.com/AyaanHirsiAli/>

Рядом с домом в лагере Дадааб в июле 2011 г.
Фотография О. Скарфф для «Джетти Имаджес».
URL: <https://foreignpolicy.com/2016/07/21/the-worlds-largest-refugee-camp-is-ivited-to-please-shut-down-kenya-somalia-dadaab/>